

"Я", "мы", солидарность и солидаризм

Анджей ЛАЗАРИ

"Мы идем - одномиллионное тело, и в каждом из нас - та смиренная радость, какую, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты. В древнем мире - это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники: смирение - добродетель, а гордыня - порок, и что "МЫ" - от Бога, а "Я" - от дьявола."

Е. Замятин, "Мы"

В своей знаменитой книге "Этика солидарности" (Etyka solidarnosci, Krakow, 1981) польский ученый, ксендз Юзеф Тишнер говорит о Солидарности как об этическом движении. Солидарность не является для него ни понятием, ни готовой этической теорией. Это и д е я, и как таковая однозначного определения она никогда не получает.

Этика солидарности, - говорит Тишнер, - хочет быть этикой совести. Она предполагает, что человек обладает совестью как природным "этическим чувством", во многом не зависимым от разных этических систем. Совесть в человеке - самостоятельная реальность, наподобие разума и воли. Человек может упражнять волю и разум, но может и забросить упражнения, может слушать свою совесть, но может и отречься от нее. Совесть - это голос, зовущий в человеке. К чему призывает он сегодня? Прежде всего к тому, чтобы человек х о т е л иметь совесть.

Не всякое "мы" является солидарностью. Подлинная солидарность - это солидарность совестей. С человеком без совести можно ехать в том же вагоне поезда, сидеть за одним столом, читать те же книги, но это еще не солидарность. Суть солидарности в пробуждении чувства сострадания, братства со страдающим человеком.

Итак, для Тишнера основой солидарности является совесть, возбуждаемая криком о помощи человеку. Солидарность - особая межчеловеческая связь: люди связываются друг с другом, чтобы опекать того, кто в опеке нуждается. Я с тобой, ты со мной, мы вместе для него.

*

Казалось бы, что русская традиция противопоставляет "западному" "Я" русское (или "славянское") "Мы" очень близка идее солидарности. А если еще вспомнить об идее сострадания, выраженной с такой силой, например, в творчестве Достоевского...

К сожалению, ни так называемое "русское", ни тем более советское "мы" с идеей солидарности (как ее видит Тишнер) имеет мало общего.

Когда Замятин создавал свою антиутопию, советское "мы" еще не образовалось, но в умах многих русских успешно уже прижилось "Мы" русское. Горький в "Исповеди" (1908) говорит:

"Все несчастья начались от того, что первая человеческая личность оторвалась от чудотворной силы народа... и сжалась от страха, перед одиночеством и бессилием своим... Я - злейший враг человека".

И год спустя, в статье "Разрушение личности", Горький создаст своего рода эпиграф к замятинскому "Мы":

"Коллектив не ищет бессмертия. Он его имеет. Личность же, утверждая свою позицию владыки людей, необходимо должна воспитать в себе жажду вечного бытия".

Раньше, как подметила Ханна Арендт в своей работе о тоталитаризме, Бакунин сознавался в том, что не хочет быть "Я", а хочет быть "Мы". Нечаев же в "Катехизисе революционера" провозглашал идеал обреченного человека, у которого

"нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени".

В русской истории "мы" традиционно противопоставлялось не только "я", но и "им" ("чужим", "не нашим"). В России "мы" это: "Мы - Третий Рим", "Мы - православие", "Мы - коллектив-община", "Мы - государство", "Мы - народ (нация)". Славянофилы считали, что христианство зовет к отречению от своей личности и безусловному подчинению ее общине. Хомяков, противопоставляя русский идеал западному мышлению, писал:

"В Европе... нравы - плод жизни, убившей всю старину с ее обычаями, - не допускают ничего истинно-общего, ибо не хотят уступить ничего из прав личного произвола" ("О сельской общине". Ответное письмо А. И. Кошелеву, 1849).

Вся борьба за так называемую "народность", начатая в русской мысли в эпоху романтизма, ведет от идеи народа-индивидуума в человеческой культуре к идее избранного народа-коллектива. Даже такие защитники прав человека, как Белинский (*"Идея либерализма в высшей степени разумная и христианская, ибо его задача - возвращение прав личного человека, восстановление человеческого достоинства, и сам Спаситель сходил на землю и страдал на кресте за личного человека"*; письмо В. П. Боткину, 1840), говорят о миссии русского народа.

Интересны в этом отношении рассуждения современного литературного критика и востоковеда Юрия Селезнева. В книге, озаглавленной "Мысль чувствующая и живая" (Москва, 1982), он старается доказать, что русская литература XIX века создала "новый тип сознания", отличающий ее от всей европейской традиции. Для Селезнева "русский Ренессанс" начинается в XIX веке, и его основой является **народность как тип русского самосознания**, исполняющая роль не менее важную, чем гуманизм в западном Ренессансе. Советский критик по-своему продолжает славянофильскую и почвенническую традицию, противопоставляя западному индивидуализму русский кол-

лективизм. Начало этого самосознания "народа-коллектива" отмечает он даже в литературе древнерусской, ставя, таким образом, на голову все результаты науки о народе-нации как философско-общественной категории. Век XIX является для него победой народности как типа русского самосознания, над буржуазным эгоцентрическим гуманизмом, победой гоголевской России-тройки над буржуазным сознанием Наполеона-Чичикова.

В советской идеологии "мы" до сих пор также противопоставлялось не только "я", но и "им" ("не нашим") и выступало как: "Мы - класс", "Мы - коллектив", "Мы - народ-государство". Противопоставление "мы" - "они" должно всегда приводить к нетолерантности, и нечего удивляться, что даже слово "толерантность" исчезло из советских "Словарей русского языка".

В 1934 году XVII Съезд ВКП(б) решил, что борьба классов в советском государстве окончена. В сталинской конституции 1936 года место **Мы-пролетариат** (ведущего класса) занял бесклассовый **Мы-советский народ**. В политической и общественной жизни вместо "классового врага" появился "враг народа", а в эстетике место категории классовости все чаще начала занимать категория народности.

Не случайно проблема народности с новой силой появилась в то же время в идеологии фашистской Германии (völkisch) и в сталинской России. Тоталитаризм нуждался в "Мы", в монолитной массе, без какой-либо дифференциации. После войны западная эстетика отсеклась от этой полностью скомпрометированной категории, или воспринимает ее лишь как один из мало существенных элементов искусства - чаще всего как простонародность, фольклорность. Советская же официальная мысль все старается беречь народность как "альфу и омегу эстетики нашего времени".

К сожалению, в этой статье нет возможности рассмотреть историю понимания народа и народности в советском обществоведении. Стоит, однако, отметить, что начатый в 1930-е годы пересмотр отношений к этим категориям привел в 1980-е годы к созданию сочетания, непериодического ни на один другой язык - "многонациональное общенародное государство советского народа" ("Коммунизм и нации", М., 1985).

*

Солидарное "Мы" - это "я" и "ты" в диалоге. Добросовестный диалог, - говорит Тишнер, - имеет своим источником предпосылку, что ни я, ни ты не в состоянии узнать правду друг о друге, если мы далеко друг от друга, если каждый из нас спрятан в подполье своего страха. Чтобы получился добросовестный диалог, "мы" ("я" и "ты") должны начать с признаний: *...наверно, ты в какой-то степени прав и ...наверно, я не во всем прав*. Таким образом мы приближаемся друг к другу, так как каждый из нас готов личную правду другого сделать частью своей правды. Диалог - это создание взаимности и основное средство достижения общественной правды.

Диалог, – говорит Тишнер, – означает, что люди вышли из подполья, приблизились друг к другу, начали обмен мнениями. Начало диалога – выход из подполья. Надо переступить порог, вытянуть руку, найти общее место для разговора. Это место не будет уже укрытием, в котором человек остается один со своим страхом, а будет местом встречи, началом какой-нибудь общины, дома.

Казалось бы, что здесь нового? Не о том ли говорил еще Достоевский? Ведь община – это основа "русского" мировоззрения? Однако отличие здесь очень существенное, и если бы мы хотели найти в русской мысли мировоззрение, заключающее в себе солидарный диалог, нам пришлось бы сослаться на мыслителей, защищающих свободное "Я", как это делали Герцен, Замятин или Юрий Домбровский, так как солидарное "Мы", в отличие от "русской" (и советской) общины, не полагает свободного, пусть даже гордого "Я". Ведь "Я" – это "хранитель древностей" (совести, чести, гордости и проч.), без которых нет культуры и такого существенного элемента культуры, выработанного тысячелетиями, каким является право. И без "Я" нет диалога. Если нет "Я" – нет и "Ты". Остается лишь тоталитарное "Мы", которое в диалоге не нуждается; остаются исследователи, для которых все, о чем мы говорим, – "факультет ненужных вещей".

*

Среди русских мыслителей были, однако, и те, кто в какой-то степени предвосхитил суждения Тишнера о солидарности. Это – духовные отцы существующего с 1930 года в эмиграции Народно-Трудового Союза российских солидаристов: Семен Франк, Сергей Левицкий, Сергей и Евгений Трубецкие, Иван Ильин.

Как пишет Роман Редлих в своей книге "Солидарность и свобода" (Frankfurt a. M., 1984), в 1925 году, когда никаких российских солидаристов еще и в помине не было, изгнанный из России профессор философии Семен Франк выступил в Праге с анализом взаимоотношений понятий "я" и "мы". Этот анализ находим также в его работе "Духовные основы общества", вышедшей в 1930 году в Париже. В этом же году возник и русский солидаризм.

Для Франка:

... "Я" никогда не существует и немислимо иначе, как в отношении к "ты" – как немислимо "левое" вне "правого", "верхнее" вне "нижнего" и т. п. /.../ "Мы" совсем не есть просто "множественное число" от "я" (как этому учит обычная грамматика), простая совокупность многих "я". В своем основном и первичном смысле "я" /.../ не имеет и не может иметь множественного числа; оно единственно и непотворимо... Поэтому "мы" есть не множественное число, как единство первого и второго лица, как единство "я" и "ты" ("вы"). В этом замечательная особенность категории "мы". Вечная противопоставленность "я" и "ты", которые, каждое само по себе и в отдельности, никогда не могут поменяться местами или охватить одно другое... преодолеваются в единстве "мы", которое есть именно единство категориально разнородного личного бытия "я" и "ты".

В другом месте Франк говорит:

"Общественная жизнь есть необходимое и имманентное выражение глубочайшего онтологического всеединства, лежащего в основе человеческого бытия... Познание чужого "я", а тем более живая встреча с ним, возможна лишь в силу того, что наше "я", так сказать, искони ищет этой встречи, - более того, что оно идеально имеет отношение к "ты" до всякой внешней встречи с отдельным реальным "ты", это первичное единство с ним конституирует самое существо "я"... "Мы" есть, следовательно, некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия".

Франк таким образом старается примирить идеи западного персонализма с русским коллективизмом. К тому же стремится программа Народно-Трудового Союза российских солидаристов:

"Личность не существует сама по себе: своими знаниями, своей культурой, своей рукотворной средой человек обязан другим людям. Индивидуализм про это обстоятельство умалчивает, коллективизм его навязывает, солидаризм же стремится его осознать, понимая солидарность не как вторичный механизм или инструмент, а как изначальную основу общества: человеческое "я" нельзя оторвать от "мы".

Здесь основная разница между русским солидаризмом и идеей солидарности в толковании Тишнера. Для польского священника и ученого солидарное "мы" не первично, а вторично, и даже не к "я" и "ты", а к "для него". Сперва - раненый и его крик, потом - отзывается совесть, сумевшая услышать и понять этот крик, и только тогда рождается община. Персонализм, человеческое достоинство здесь на первом плане, на втором - диалог, на третьем - солидарное "мы". Для коллективизма, все равно как названного, здесь вообще нет места.

★

Тишнер подошел к идее солидарности с точки зрения католического костела, но это не помешало воспринять его суждения также большинством не католиков и неверующих в польском общественном движении "Солидарность". И самым большим достижением "Солидарности" является тот факт, что создавали ее в братском диалоге и католик рабочий Валенса, и католик профессор Тишнер, и "еврей" Микник, и бывший коммунист Куронь и проч., и проч. Люди с самыми разными мировоззрениями нашли общий язык и объединяющую их идею! И никто из них не перестал быть самим собой!

И вот все рухнуло. Кончился добросовестный диалог, кончилась толерантность, и в "Солидарности" нет уже солидарности, - появились зато грубые ссоры, клеветнические обвинения, национализм, клерикализм и разные другие "измы". Формулируя этику солидарности, Тишнер предполагал, что ей не нужен враг. Теперь он осознал свою ошибку. В статье "В тени коммунистических ларьков. Этика солидарности сегодня", опубликованной в газете "Русская мысль" от 14 сентября 1990, Тишнер пишет:

"Надо ясно сказать: этика солидарности уже не в состоянии охватить и разъяснить все вырисовывающиеся конфликты. Ибо что говорила эта этика?"

Она говорила, что нам надо быть вместе, действовать без применения силы, что этика должна стоять выше политики. Все это было ясно, когда был враг, который действовал или покушался действовать противоположным образом. Когда враг исчез, наше "вместе" распалось.

Этика солидарности была этикой для людей, которые стояли в огромной толпе перед ларьком коммунизма. Сегодня ларек исчез. Надо подумать об иной этике. Надо сегодня пахать глубже".

Ссылаясь на учение Иоанна-Павла II, Тишнер подчеркивает, что идея Солидарности в доктрине римского Папы вытекает в первую очередь из принципа достоинства человеческой личности, и поэтому, чтобы спасти этику солидарности, надо еще сильнее выразить в ней уважение к личности и к ее неотторжимым правам, надо еще сильнее связать с солидарностью персонализм.

"Некогда Норвид, - говорит Тишнер, - размышляя над причинами упадка народов, писал, что не в силу неуважения к власти, а особенно королевской, одни народы существуют, а другие перестают существовать. Потому что, будь это так, вся Европа развалилась бы. Причины упадка и развития народов одни и те же: уважение или неуважение к Человеку.

Я возвращаюсь к этой мысли Норвида при особых обстоятельствах, в которых мы оказались. Ларек коммунизма - развалился. Но толпа перед ларьком - пока еще стоит. Что сделать, чтобы эта толпа стала обществом, чувствующим свое национальное достоинство? В этом направлении сделано уже немало. Но следует сделать еще кое-что. Следует вернуться к простейшему опыту - уважению Человека. Только на этом пути можно будет спасти для будущего этику "Солидарности" и вылечить народ от его болезней".

Пойдут ли поляки по этому пути и спасут ли этику солидарности? Пока, к сожалению, получается, что прав был Достоевский, когда говорил, что только война по-настоящему объединяет.

А русские? Сумеют ли они оторваться от тоталитарного "мы", от страны победившего хама во имя уважения к Человеку? Русские солидаристы в своей программе пока все еще выше "Я" ставят единое "Мы" национального самосознания.

От редакции. Публикуя интересную статью Анджея Лазари о польском и русском солидаризме на русском языке в российском журнале, мы просим нашего толерантного читателя не раздражаться присутствием в этой статье еще с прошлого века ходкого в Европе (а видно, и в Польше) клише о "русской душе", якобы традиционно склонной растворяться в коллективе. Интересны в этой статье отнюдь не рассуждения об особенностях русской души и русской общественной мысли. Интересно прежде всего, с нашей точки зрения, взятое у польского солидариста Тишнера утверждение, что "солидарное "мы" - это "я" и "ты" в диалоге". Вот об этом стоило бы поподробней поговорить и поспорить!